

УДК 330 (571.17) (09)

СИБЛАГ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Р. С. Бикметов

SIBLAG IN THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

R. S. Bikmetov

Статья посвящена анализу производственной деятельности лагеря в военное время. Автором акцентируется внимание на причинах создания и специфике лагеря. Характеризуется его организационная структура и производственные мощности. Устами заключенных характеризуются голодный быт, тяжелые условия труда и его мотивация. Показан вклад заключенных на трудовом фронте.

The paper is devoted to the analysis of the Siblag's production activity during the war. The author focuses on the reasons for the creation and the specifics of the camp, its organizational structure and production capacity are characterized. Prisoners are quoted to characterize the hungry and empty life, difficult working conditions and motivation. The paper shows prisoners' contribution at the labour front.

Ключевые слова: заключенные, производственная деятельность, лагподразделения, план, труд.

Keywords: prisoners, industrial activity, camp departments, plan, labour.

В 1942 – начале 1943 г. произошли существенные изменения в лагерной системе Западной Сибири в связи с массовой отправкой наиболее трудоспособных заключенных на важнейшие объекты Дальстроя и дальневосточные лагеря. Взамен лагподразделения получали для восстановления работоспособности наиболее ослабленный контингент.

В виду того, что ряд лаготделений Сиблага на территории Кузбасса, имея в своем распоряжении плодородные земли и определенный парк сельскохозяйственной техники, занимался производством сельхозпродукции, в соответствии с приказом НКВД СССР за № 0116 от 4 апреля 1942 г. был создан специализированный сельскохозяйственный лагерь, получивший название «Сиблаг».

В состав вновь образованного лагеря вошли сельскохозяйственные подразделения: Антибесское, Арлюкское, Берикюльское, Ново-Ивановское, Орлово-Розовское, Сусловское, Юргинское, Кожуховское, Мариинский огород и Мариинское промотделение. На лагерь возлагалась задача обеспечения сельхозпродукцией лагерей НКВД. Центром лагеря стал Мариинск. В своем составе лагерь имел учебный комбинат по подготовке кадров из числа заключенных, 8 лаготделений и 6 отдельных лагпунктов (ОЛПы), расположенных на территории Мариинского, Верхне-Чебулинского и Юргинского районов.

Сиблаг – это был лагерь-хозяйство со всеми видами сельхозпроизводства и с различными вспомогательными службами. Начальник лагеря одновременно был и руководителем хозяйства, имевшего государственный план и подверженного всем последствиям, вытекающим из обязательности его выполнения. Сиблаг был совхозным трестом, ибо каждое отделение было на самостоятельном балансе.

Лагерь имел овчинно-шубный завод, два овощесушильных завода и ряд мелких производств по выработке промышленных товаров и ширпотреба, план которых составлял более 22 млн рублей, что состав-

ляет 25 % выпуска валовой продукции лагеря. Годовой план лагеря на 1942 г. составил по выпуску мяса – 3729 т, масла животного – 165 т, зерновых культур – 45398 т, овощей и корнеплодов – 45298 т. За 1942 г. в системе Сиблага выходное поголовье свиней насчитывало 32583 головы, крупного рогатого скота – 8348 голов, в том числе 2521 корову, 5232 лошади. Для обслуживания полей (площадь зерновых в 1941 г. составила 42300 га) и ферм имелось 272 трактора (из них 258 исправных), 63 комбайна, 52 сноповязалки, 168 лобогреек, 63 молотилки, 66 автомобилей. На 31 декабря 1942 г. в лагере содержалось 30470 заключенных [9, л. 3, 9]. Он имел также несколько конных заводов. Один из них располагался в Летажском ОЛПе. «В его хозяйстве насчитывалось около пятисот рабочих, человек шестьдесят из них – расконвойные, непосредственно обслуживающие животноводство; остальные заняты в растениеводстве – выращивали турнепс, овес, рожь, пшеницу, овощи. Была также строительная бригада, столярная, ремонтно-механические мастерские и прочие подсобные службы» – так характеризовал лагпункт один из его бывших узников Г. Н. Эльштейн-Горчаков [15, с. 119].

Подразделения Сиблага направляли на фронт свою продукцию: мясо, сало, сливочное масло, овощи, картофель. Особое место в работе сельхозотделений занимало производство сушеных овощей (сухатов). Несмотря на тяжелые условия войны, при тех же земельных площадях производство этой продукции неуклонно возрастало. Так, приказом по Сиблагу от 8 апреля 1943 г. было намечено пустить дополнительно еще 11 печей и довести производство сухатов до 200 кг ежедневно от каждой печи. Всего только за 1943 г. на 7 сушильных заводах Сиблага было произведено 1010 т этой продукции. В отдельных лагпунктах велась даже селекционная работа, приведшая к получению высокопродуктивной породы свиней – «Кемеровская сальная» [6].

По итогам соцсоревнования сельхозпредприятий НКВД СССР по итогам 1942 г. в числе лучших в приказе НКВД СССР за № 851 от 22 декабря 1942 г. назван Сиблаг [1, 21]. Сам лагерь был премирован Грамотой от руководства ГУЛАГа НКВД СССР и денежной премией в размере 15 тыс. рублей.

План по выходному поголовью свиней выполнен на 100 %, показатели по выходному поголовью крупного рогатого скота – на 105 %. План по приплоду свиней животноводы выполнили на 134,6 %, лагерь получил сверхплана 12523 поросенка. План мясосдачи выполнен на 119,4 %, сверхплана сдано 599 голов (100,5 т мяса). Все отходы сведены были до минимума [1, 21].

Особенно высоких результатов добились животноводы Орловско-Розовского, Суловского и Антибесского лаготделений, полеводы Ново-Ивановского и Юргинского лаготделения, промышленные производства Мариинского лаготделения. В приказах Сиблага отмечены бригады животноводов, руководимые М. В. Гриневич, Ш. М. Агласовой, А. А. Черепановым, И. М. Коленчук, Л. В. Лебедевой, П. П. Мальцевой. 48 животноводов отмечены ценными подарками, 36 человек получили благодарности от Управления лагеря, на бригадиров-отличников возбудили ходатайство на досрочное освобождение [1; 3, 16].

По Антибесскому лаготделению в январе 1943 г. были премированы: продуктовой посылкой и ценным подарком (свитером или ботинками) – 2 человека, подарками (продуктовой посылкой или ботинками, шалью, платьем, трикотажным изделием, свитером) – 19 свиноводов, включая бригадиров, ценными подарками, включая брюки и куртки, – 45 человек (доярки, телятницы, зоотехники, зоофельдшера) [1, 26].

Особо отмечалась и работа заключенных Антибесского лаготделения. Среди них бригады высокой урожайности, руководимые М. Н. Сикора, Ц. С. Ремковской, собравшие 28 – 29 т картофеля с 1 га, бригада М. Х. Петросяна, в период уборочной ежедневно выполнявшая по 2 нормы за смену, бригада С. В. Сальниковой, собравшей по 50 т капусты с 1 га [1, 29].

По итогам работы за 1942 г. за высокие показатели в работе и за добросовестное отношение к труду и отличное поведение в быту постановлением Особого совещания при НКВД СССР было объявлено досрочное освобождение 20 заключенным лагеря, а также снижены сроки заключения еще 10 передовикам производства, в числе которых М. Н. Сикора [5].

Многие заключенные были награждены грамотами штаба трудового соревнования управления лагеря с объявлением благодарности в личное дело, премированы деньгами [1, 188, 197]. Следует отметить ударный труд заключенных женщин в полеводстве. Так, из 4 пахарей Бериккульского лаготделения, отмеченных грамотами управления лагеря, 2 женщины [1, 197]. Так, заключенная Мусихина за 8 дней вспахала 8 га земли [5].

Широкое распространение в Сиблаге получило проведение фронтовых декад, во время которых бри-

гады брали повышенные обязательства и стремились их успешно выполнить.

На результаты работы заключенных, занятых на полевых и лесозаготовительных работах, оказывал большое влияние психологический фактор, связанный с бригадным методом работы. Г. Н. Горчаков описывает его так: «Труд не индивидуально учитывается, а всей бригаде целиком. Бригаде процент нужен, чтобы большую пайку иметь. Потому, если кто-то недорабатывает, то и всем убыль. Не ты за себя отвечаешь, а бригада за тебя. Нерадивого она сама подтолкнет – другого надзора не надо... Кто сильнее, кто выносливей, кто в работе проворней тот и правее. Все на тебя косятся, злятся, слов не жалеют, да и не только слов... В строю идешь – отстаешь, так все задники тебе истопчут, нарочно по ногам попадать начнут; за работой тоже – каждый костыльнуть готов. А если бригадир начнет на твоих ребрах без мяса прочность лопаты испытывать, всем только в ухмылку будет, и правы, потому что ты, выходит, на их пайку большую покушаешься, словно ворующий. По своей воле захочешь остаться – пусть при малой пайке – все равно не дадут. У тебя с ними биться и сил нет, да и права своего тоже не чувствуешь. Ты не виноват, но и они не виноваты: сколотили вас вместе не для евангельских же заповедей...» [15, с. 141].

В лагере было также налажено промышленное производство необходимых материалов для внутреннего пользования и местных нужд. В лаготделениях Сиблага было организовано производство стекла, бумаги, войлока, юфти, хрома, веревки, шпагата, суровых ниток, клея, мыла. Резко возрос и ассортимент промышленного производства. В лагере стали изготавливать бочки, ложки, брички, телеги, сани, мебель и другие изделия [10, с. 150]. В трех сельхозподразделениях лагеря было организовано смолокурное и скипидарное производство [1, 50], а в Мариинском лаготделении созданы пимокатный цех, кожевенное производство с годовой производительностью в 849 тыс. кв. дм юфти и 19,5 тонн стелечного полушала [1, 345].

Успешно работал в структуре Сиблага и завод «Рекорд», состоявший из 8 промышленных цехов. Помимо продукции для фронта, в периоды подготовки к уборочной кампании и во время ее проведения он переводился на изготовление запасных частей для сельхозтехники и тракторов, газогенераторных установок, обслуживающих как лагерное производство, так и соседние совхозы и колхозы [7, л. 5]. На заводе еще было организовано производство токарно-винторезных станков [1, 232].

Для собственной продовольственной базы в Орловско-Розовском, Кожуховском и Мариинском лаготделениях были организованы подсобное рыболовство, сбор ягод, грибов, съедобных трав [1, 206].

Повышению эффективности производства способствовал целый комплекс мероприятий.

Во-первых, руководство лагеря своевременно обращало внимание на подготовку и обучение кадров, которое осуществлялось на курсах при учебном центре лагеря. Курсантами учебного центра зачислялись

лучшие производственники из состава бытовиков, имеющих 1-ю судимость или остаток срока не более 3 лет, с образовательным уровнем 4 – 6 классов [1, 8]. Только за три зимних месяца 1943 – 1944 гг. было подготовлено 270 трактористов [1, 560]. Организовывались курсы бригадиров животноводов, ветеринарных санитаров и фельдшеров.

Во-вторых, пропаганда и обмен передового опыта на слетах ударников производства по различным специальностям, ежегодно проходившим при учебном центре.

В-третьих, ежегодно проводился конкурс «За здорового коня и вола», позволявший выявить подготовленность животных к проведению весеннего сева и людей, добросовестно работающих с животными. По их итогам лучшие специалисты поощрялись продовольственными посылками и ценными подарками.

Особая забота руководства лагеря – организация звеньев и бригад высокого урожая. Еще в январе 1942 г. в лагере были организованы полеводческие и огородные бригады, за которыми были закреплены земельные участки, транспорт, инвентарь и определены агротехнические мероприятия, связанные с подготовкой к весеннему севу: вывоз навоза на поля, снегозадержание, подготовка семян.

В их составе были организованы звенья высокого урожая, укомплектованные «лучшими людьми». За ними закреплялись лучшие земельные участки, в первую очередь обеспечивались транспортом и сельскохозяйственным инвентарем.

На каждое такое звено заводилось наблюдательное дело для контроля и руководства их работой. Руководителям лагподразделений дано было указание при любой текучести заключенных сохранять основной костяк звеньев до конца сбора урожая [2, 15]. Практически частые внутрилагерные переброски людей порою сводили на нет организацию труда таких звеньев. Хотя в 1943 г. Сиблаг получил 1-ю премию ГУЛАГа НКВД СССР за выполнение плана по сбору зерновых культур (103 %) [1, 477], только с марта 1944 г. был организован специальный учет заключенных, работавших в этих звеньях. Была запрещена их переброска на другие работы, обращено внимание на улучшение их бытовых условий, питания [1, 99]. Руководство лагеря было серьезно озадачено организацией соревнования, стремясь к более рациональному трудоустройству заключенных, включая инвалидов и отказников от работы.

Бывшие узники отмечают тяжелые условия труда в растениеводческих бригадах. Так, Г. Н. Горчаков пишет: «Наступление лета несло свои плюсы, но и свои минусы. Мы переставали страдать от морозов, но световой день становился длиннее, следовательно, и рабочий день удлинялся. Зимой нас не могла обогреть печка – теперь надобность в ней отпала, но и труднее оказалось что-либо сварить. Люди в посылках получали концентраты и грызли их сырыми. Воскресные дни бывали выходными, но в период кампаний выходные давали все реже, а в уборочную отменяли совсем. Страдали летом мы и от вечной сырости. Дождь работ не прекращал, зато летом прекращала работу сушилка. Небо на все стороны затянуто тяже-

лыми тучами, разверзается сильный дождь, и, судя по всему, надолго... Земля превращается в липкую, черную грязь, становится бессмысленным делать любую работу».

«И каких только работ я не испытал! – продолжает вспоминать узник Летяжского ОЛПа, – полл, косил рожь, жал серпом, скирдовал, возил на бычках снопы. В общем, все эти работы были ничего, могли даже нравиться, исключая каторжную прополку корнеплодов. Согнувшись в три погибели, на корточках, чуть ли не на коленях, должны мы были проползать бесконечно длинный свой ряд, прореживая и пропалывая очередную огородную культуру. Ныла спина, ныли колени, я к тому же еще плохо видел и плохо понимал, что я должен был только проредить, а что вырвать с корнем. Потом заливало очки, и все в тебе ныло и дрожало, а сзади шли бригадиры, полеводы, агрономы, подгоняли: «скорей! скорей!» и готовы были тебя ткнуть носом в твою нерадивость» [15, с. 139 – 140].

Уборку урожая описывает бывшая узница Сиблага Е. Я. Судакова: «Заключенные женщины работали бригадами, составленными исключительно из осужденных по 58 статье. На работу обычно уводили рано, и приводили назад почти ночью. Идти было далеко, иногда километров за двадцать, так что, придя на место, мы бывали такими обессиленными, что начинать работать было тяжело» [13, с. 144 – 145]. Специфику сельскохозяйственных работ отмечает и П. Е. Суханов: «В семи километрах от Мариинска находился Антибесский лагерь. На зиму меня перевели туда, и сразу в бригаду – тоже копать силосные ямы. Работа тяжелая, ямы были глубиной два метра. Земля намокшая, тяжелая, к лопате липнет, да еще и вверх откидывать надо, а там уже отвозить на тачках.

Посезонная работа не легче: до марта на лесоповале, в марте бригаду гонят буртовать навоз да растаскивать по полям. Еще хуже, чем на лесоповале. Сил-то сколько надо! А сенокос был – сорок шесть соток на человека. После сенокоса – уборка хлебов, и опять машешь косой вручную, по двадцать пять соток на брата. Осенью – копка картофеля, погрузка на телеги. Но особенно невыносимой была работа на торфяном болоте. Полагалось нарезать семь кубов! Это не каждому по силам. Болеть было нельзя. Стоило пролежать лишь один день в барак – хлеба выдавали уже по триста граммов» [14, с. 50].

Первоначально лагерь постоянно испытывал перебои в снабжении продовольствием. В рационе заключенных остро ощущалась нехватка жиров, мяса, рыбы, круп. Попытка замены недостающих продуктов менее калорийными овощами способствовала физическому ослаблению заключенных. Г. Н. Эльштейн-Горчаков охарактеризовал без того скудный лагерный рацион заключенного. «Хотя лагерь был сельскохозяйственный, кормили в нем куда хуже. Три раза в день по миске баланды – рыбы кости или рыбы ошметки; если попадет гнилая картофелина, считай, тебе повезло; в обед черпачок каши из магары, редко из пшеничной крупы, иной раз горох, обычно сваренный из вики; летом варили еще щи из дикоросов (это

разная трава, вроде крапивы, которую не сажали, не сеяли).

Утром и вечером еще был несладкий чай, заваренный на жженных корках. Сахару не давали. Главной едой был хлеб – черный, тяжелый, липкий. Норма – шестьсот граммов, да еще от начальника – от одного до трех дополнительных пайков (пак – сто грамм).

Было и дополнительное горячее – стограммовый черпачок гороха. Дополнительный горох и хлеб давались за хорошую работу, за высокие проценты. Хлебных пайков было много. Горячего в несколько раз меньше – потому только на самых тяжелых работах и самым отличившимся. А уж если три горячих, то это как надо было себя показать! Было горячее и по другой линии – по медицинской, как усиленное питание, но это совсем немного» [15, с. 120 – 121].

Чтобы выжить в подобных условиях люди тайком пронесли в лагерь собранные на полях овощи и картофель. Узница Сиблага Н. А. Носкович вспоминает: «Одна заключенная сказала нам, что если не научимся красть на уборке картошку, умрем с голоду, и все здесь это знают, воруют картошку и приносят в барак.

Горы собранной нами моркови благоухали, нагретые солнцем, прекрасный картофель, который надо было научиться воровать, очень соблазнял. Мы скоро освоили способы протаскивания картошки в зону, набивая ее за пазуху и в широкие шаровары, вниз... По возвращении в барак с закатом солнца топившуюся железную печку облепляли: резанные пластинками картофелины – получались чипсы, ими насыщались» [11, с. 171].

С июня 1943 г. для заключенных, систематически перевыполняющих задания на 200 % и выше, в соответствии с директивой ГУЛАГа НКВД СССР за № 42 от 12 мая 1943 г. в столовых были выделены отдельные комнаты для их обслуживания, оснащенные лучшей посудой, скатертями, цветами. Все ударники были переведены на питание по норме № 2 и на дополнительный набор продуктов, включающий 20 г муки, 40 г крупы, 20 г мяса, 30 г рыбы, 10 г жиров, 240 г овощей, 1 г сахара, 5 г томатов [1, 267]. Им отдавалось предпочтение во время комплектования оздоровительных пунктов, чтобы дать возможность отдохнуть при трехразовом питании и при производственном процессе на открытом воздухе без установления норм.

Руководство лагеря в этот период неоднократно возбуждало ходатайства о досрочном освобождении и сокращении сроков заключения для отличников производства [1; 3, 66, 232].

В 1943 г. к усиленному трудовому использованию были привлечены ослабленные заключенные и инвалиды. Они стали получать дополнительное питание. Многие из них, выполняя нормы выработки, были направлены в оздоровительные команды, что способствовало их выживанию и сокращению смертности среди заключенных [3, 139]. Только в одном Баимском ОЛПе за I квартал 1943 г. ослабленными заключенными и инвалидами только сверхплана было изготовлено 9124 пары валенок, 4310 ложек [1, 195].

Из-за недостатка кожаной и суррогатной обуви ослабленные заключенные были привлечены к плетению лаптей из коры, лыка, ивы, талины и вербы и на заготовку указанного сырья. В соответствии с планом 1944 г. предстояло изготовить 25800 пар лаптей для лагерного контингента. Труд инвалидов также использовался при изготовлении метел для заводов оборонной промышленности. В течение 1944 г. было изготовлено 413,4 тыс. метел, из них реализовано 323,4 тыс. штук. Они были задействованы и на изготовлении предметов ширпотреба из отходов и местного сырья. Только за 4 месяца 1944 г. было изготовлено и реализовано подобных товаров на сумму 303,9 тыс. рублей [3, 217].

Так, в Антибесском лаготделении для трудоустройства инвалидов организовали два цеха: прядильный и ткацко-трикотажный. В первом работали одноногие инвалиды: крутили веретено оставшейся ногой. В другом цехе были собраны те, кто мог сидеть. Они весь день из белого хлопкового волокна крючками вязали варежки, носки, рукавицы. При этом объем получаемой лагерной пайки зависел от выполнения норм выработки. Узник этого лаготделения И. Н. Салахов так описывает свою работу: «С утра мое веретено крутилось легко, с настроением, но к вечеру укороченная хирургом культышка чувствовала нагрузку. После шурфов, тачек и «колымашек» инвалидный конвейер был легкой прогулкой. Но и простое веретено требовало навыков, умения, я ткацким ремеслом не владел, пряжа на моем станке получалась плохая: местами толстая, местами – тонкая. Замучили порывы. Вечером я стал сдавать ее на склад, а мою работу признали браком. После такого контроля дневная хлебная пайка автоматически упала до трехсот граммов, я лишился и поощрительного половничка арестантской баланды, на который мог рассчитывать в случае ударного результата» [12, с. 236].

Благодаря всем принятым мерам в трудоустройстве заключенных выработка на одного заключенного, работающего в промышленном секторе лагеря, возросла со 153 рублей в январе 1944 г. до 188 рублей в марте. Прибыль от реализации промышленной продукции лагеря за I квартал 1944 г. выразилась в сумме 103,5 тыс. рублей вместо запланированных 43 тыс. рублей [3, 217].

Организация соревнования, своевременная и качественная подготовка кадров, деятельность оздоровительных пунктов в целом, привлечение к усиленному труду инвалидов и ослабленных заключенных позволили расширить производственную деятельность лагеря. Так, в 1944 г. в период весеннего сева было засеяно 37066 га земли вместо 36769 запланированных, в том числе зерновых – 27274 га, картофеля и овощей – 3847 га. Все показатели растениеводства выполнены с превышением: внесение удобрений – на 147 %, план культивации – на 113 % (на 11853 га больше, чем в 1943 г.), план тракторных работ – на 122,6 % (на 37209 га больше, чем в 1943 г.).

Значительных успехов добился лагерь и в области животноводства. Выходное поголовье коров достигло 2570 голов. Вывод делового приплода составил 17449 голов. План сдачи мяса крупного рогатого ско-

та был выполнен на 153 %. Выполнены и превышены плановые показатели валового надоя молока и выхода сливочного масла.

Несмотря на систематические недопоставки фондового сырья и вспомогательных материалов (шерсть, овчина, кислота), план выпуска продукции промышленными подразделениями лагеря был выполнен на 114,1 %. Сверх плана изготовлено 4,8 т войлока, 4,8 т строительной кошмы, 16300 пар пимной стельки. Из-за отсутствия сырья было изготовлено только 6603 полушубка вместо 13500 (48,8 %), 5602 шапки вместо 11500 (48 %), вместо 20000 пар валенок изготовлено было 15331 пара (77 %). Вместе с тем из утилизированных отходов дополнительно изготовлена следующая продукция: 1635 пар рукавиц, 1728 меховых жилетов, 2063 пары меховых туфель, 340 пар меховых чулок, а также прочие меховые изделия на сумму 92,9 тыс. рублей.

Вместо 45 т веревки изготовлено 50. Дополнительно получено 1164 кг шпагата, 19 кг ниток. Швейных изделий изготовлено на сумму 2045 тыс. рублей вместо 1025 тыс. рублей по плану (195 %), произведено 16447 трикотажных изделий вместо 95000 запланированных. На 147 % лагерем был выполнен план в денежном выражении по деревообработке, на 115 % – по металлообработке. Заключенными были изготовлены 38500 деревянных ложек при плане 25000 штук, 204000 пар варежек и носков, получено 8,7 т мыла. Изготовленный прочий ширпотреб в денежном выражении составил 924 тыс. рублей. Экономия по себестоимости составила 1513 тыс. рублей. Только Мариинское лаготделение перечислило управлению лагеря 2180 тыс. рублей вместо 1104 тыс. по плану, 1782 тыс. рублей сэкономило Баимское лаготделение [3, 270].

В 1944 г. наметилось улучшение физического состояния заключенных и их трудоиспользования. Если в 1943 г. группа «А» (годные для тяжёлого физического труда) составляла 69,2 % от общей численности заключенных, то за первое полугодие она возросла на 9,5 % и составила 78,7 %, а в Мариинском лаготделении она была равна 84,8 % [3, 270].

На существенные перемены, произошедшие в это время в Летяжском ОЛПе, указывает и Г. Н. Горчаков: «Регулярно заработал ларек, чаще ездили за почтой, наладили баню, люди много отдыхали, были сыты. Бригады превращались в дружные коллективы, у людей было больше сил на работу и больше времени на отдых. Не только радио и газеты – появилось у нас и кино: стала приезжать звуковая передвижка. За какой-то год лагерь неузнаваемо преобразился – он стал настоящим оздоровительным пунктом» [15, с. 159].

Перемены вскоре напомнили о себе. В соответствии с приказом руководства НКВД СССР за № 180 от 23 апреля 1945 г. по итогам работы сельскохозяйственных подразделений ГУЛАГа СССР за 1944 г. Сиблагу вручено переходящее Красное знамя с выдачей премии за выполнение и превышение плановых показателей по животноводству [4, 135].

Большой вклад в производственную деятельность лагеря внесли заключенные изобретатели и рациона-

лизаторы. Только внедрение одного предложения инженера отдела растениеводства Ульмана по изменению технологического процесса сушки картофеля давало экономию в сумме 400 – 500 тыс. рублей ежегодно, сократив затраты сырья с 8 до 6 т на 1 т сухого картофеля. Так, изобретение универсального медицинского аппарата для изъятия жидкостей и вливания лекарственных препаратов в организм человека доктором Мариинского госпиталя заключенным Титаренко заменяло собой до десятка разных дорогостоящих аппаратов и приборов. На лагерном заводе «Рекорд» было изготовлено 100 экземпляров этого аппарата [3, 301]. В условиях заключения рационализаторы делали все возможное для облегчения труда заключенных и увеличения производительности труда.

В приказах начальника лагеря часто отмечались животноводы Сусловского лаготделения. Так, в одном из приказов 1944 г. отмечалась их исключительная инициатива для создания сытой и теплой зимовки домашних животных. Они самостоятельно за семь месяцев 1944 г. заготовили и вывезли в лагерь 2103 куб. м дров, заготовили и заскирдовали 130 т сена и заложили 25 т силоса. В ходе текущего ремонта животноводами был отремонтирован весь животноводческий комплекс.

Производственная бригада Понковой добилась 50 опоросов, получив 422 поросенка, причем 25 деловых поросят сверх плана. Бригада также произвела 28 отъемов, отняв от матки 211 поросят весом в 21,2 кг при плане 13 кг, при этом, не допустив ни одного случая гибели животных. Своими силами бригада заготовила и подвезла к свинарникам 310 куб. м дров, заскирдовала 30 т доброкачественного сена, посадила и обработала 1 га картофеля.

Хорошо работала и бригада заключенных доярок, руководимая Борщевской. По своему стаду от 92 фуражных коров бригада за 7 месяцев 1944 г. надоила 20,1 тыс. ц молока, добившись в июле сверхпланового среднесуточного надоя на 1 корову 11 кг. Своими силами бригада заготовила 140 куб. м дров и 45 т сена.

На заготовке дров и грубых кормов производственные показатели значительно перевыполнили бригады заключенных, руководимые Ереминым, Хоменко, Заводской, Супрун, Петрушиной, Шиловой, Лавринович, Шендер, Кирьяненко, и бригады заключенных с конебазы под руководством Селиванова и Лыхина [3, 312]. Заключенные Мариинское лаготделение Сиблага также приняли участие в строительстве и монтаже завода № 16 Главснаба наркомата пищевой промышленности [8, л. 100].

Часть заключенных, рассчитывая ударным трудом добиться скорейшего освобождения, работала добросовестно. Основная же масса прагматически относилась к происходящему и старалась всячески выполнять производственные задания. Объяснение этому приводит Г. Н. Горчаков: «Получалось, что в известной степени мы работали сами на себя: от того, какой мы вырастим урожай, как его уберем и сохраним, зависело и качество нашего питания. Отсюда и возникла определенная заинтересованность работающих в своем труде» [15, с. 168].

Таким образом, несмотря на тяжелые условия содержания, заключенные Сиблага выполняли производственные планы, оказывая посильную помощь фронту, обеспечивая лагерь продовольствием.

Литература

1. А ГУВД по Кемеровской области. Ф. 11. Сиблаг. 1943. Приказ №.
2. А ГУВД по Кемеровской области. Ф. 11. Сиблаг. 1942. Приказ №.
3. А ГУВД по Кемеровской области. Ф. 11. Сиблаг. 1944. Приказ №.
4. А ГУВД по Кемеровской области. Ф. 11. Сиблаг. 1945. Приказ №.
5. Бюллетень № 1 газеты «За социалистическое животноводство». 1943. 30 июня.
6. Вахлов В. Человек из Сиблага // Кемерово. 1992. 8 – 11 февр.
7. ГАКО (Государственный архив Кемеровской области) Ф. П-75. Оп. 1. Д. 18.
8. ГАКО (Государственный архив Кемеровской области) Ф. П-75. Оп. 1. Д. 96.
9. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области) Ф. П-4. Оп. 34. Д. 171.
10. Звягин С. П. К вопросу об участии заключенных кузбасских лагерей в помощи фронту в годы Великой Отечественной войны // 50 лет Великой победы под Сталинградом. Новосибирск, 1993.
11. Носкович Н. А. (Лекаренко). Воспоминания «придурка» / публ. и вступ. ст. Н. Р. Либерман // Нева. 2001. № 4.
12. Салахов И. Н. Черная Колыма: (Хроника одной трагической судьбы) / пер. с татар. М. Зарипова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991.
13. Судакова Е. Я. Отрывок из воспоминаний; Умный друг мой с акцентом еврейским; Кобыла; Александру Солженицыну посвящается // Уроки гнева и любви: Сб. воспоминаний о годах репрессий (20-е – 80-е гг.) / сост. и ред. Т. В. Тигонен. СПб., 1993. Вып. 4.
14. Суханов П. Е. Воспоминания узников ГУЛАГа // Сталинск в годы репрессий: Воспоминания. Письма. Документы. Вып. 2. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995.
15. Эльштейн-Горчаков Г. Н. Воспоминания. Иерусалим: Иерусалимский издательский центр, 1995.

Информация об авторе:

Бикметов Рашит Саитгараевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории, теории и истории культуры Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, 8(384-2)39-69-04, brs.sait@mail.ru.

Rashit S. Bikmetov – Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of Russian History, Theory and History of Culture, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev.

Статья поступила в редколлегию 27.10.2014 г.